

Наложница Фан родила Сунь Шаохуа сына Сунь Цзие, которому уже исполнилось шесть лет. Синьэр, дочери Сяо Лань, было всего три года, а сама Сяо Лань вошла в дом Сунь лишь пять лет назад. Нетрудно догадаться, как в этом доме оказалась наложница Фан.

Когда-то она была простой деревенской девушкой с незапятнанной репутацией, но забеременела от Сунь Шаохуа до свадьбы, из-за чего покрыла себя позором, а со временем и вовсе тронулась рассудком. Это был лишь один из любовных грешков молодости Сунь Шаохуа, который он поначалу вовсе не желал признавать. Однако старая госпожа, жаждавшая заполучить внука и боявшаяся пересудов, заставила сына привести женщину в дом под видом наложницы.

Как только Сунь Цзие оказался в поместье, старая госпожа тут же забрала его к себе на воспитание. Неизвестно, сколько гадостей она наговорила мальчику о матери, но тот постепенно отдалился от неё, и наложница Фан сошла с ума окончательно. В конце концов её заперли в маленьком дворике, не позволяя показываться на глаза. Никто не знал, как эта запертая женщина оказалась у пруда с рыбами.

Проходя мимо этого дворика по пути к Синьэр, Сяо Лань увидела, что ворота распахнуты настежь, а игравшего здесь прежде Сунь Цзие и след простыл. Видимо, забегал лишь ради забавы и вовсе не собирался навещать родную мать. Сяо Лань оглядела двор: он выглядел куда запущеннее, чем её собственный, где она тоже не особо следила за садом. Главный дом ещё держался, но двери боковых флигелей заросли паутиной — похоже, там давно никто не жил.

— Раньше госпожа была сама не своя и не могла следить за делами в других дворах, — видя помрачневшее лицо Сяо Лань, пояснила матушка Сюй. — Наложнице Фан выдавали еду дважды в день, чтобы не умерла с голоду, а изредка заходившие служанки лишь кое-как прибирались, не заботясь о том, жива она или нет.

Прежняя хозяйка действительно была поглощена собственными бедами. Она лишь ненавидела эту женщину, прижившую ребенка, и не знала жалости. Теперь же Сяо Лань понимала: единственный, кто заслуживает ненависти, — это безответственный мужчина, Сунь Шаохуа.

В комнате и вправду никого не было. Наложница Фан, промокшая до нитки, лежала на кровати, укрытая одеялом, даже не переодевшись. В такую удушливую жару она была вся в поту, лицо её побледнело, глаза ввалились, губы посинели, и было непонятно, дышит ли она вообще.

Сяо Лань шагнула вперед и откинула одеяло. В нос ударил затхлый запах — видимо, постельное белье здесь не меняли никогда.

— Матушка Сюй, принесите одежду. Даже если ей суждено умереть, она должна уйти достойно.

— Слушаюсь. — Матушка Сюй порылась в шкафу, но не нашла там ничего приличного. Вид комнаты вызывал лишь сочувствие. — У наложницы Фан нет ни одного достойного платья. Я

схожу к себе, поищу что-нибудь, а заодно пришлю сюда служанок. Госпоже не стоит пачкать руки.

Сказав это, она удалилась. Сяо Лань не послушалась: ей стало невыносимо жаль эту несчастную женщину, и она решила, что должна проводить её в последний путь достойно. Развязывая тесемки на одежде наложницы, Сяо Лань поразились тому, как легко ей удалось перевернуть тело — даже при её собственной слабости. Склонившись над лицом женщины, она попыталась уловить хоть какое-то дыхание, но ничего не почувствовала и отступила.

Сырое одеяло никуда не годилось. Сяо Лань заметила на старой кушетке тонкий плед и направилась к нему, но в этот момент услышала слабый стон.

— Я...

— Что? — Сяо Лань решила, что та хочет оставить последнее напутствие, и поспешила наклониться ближе.

— Твою мать! — пронзительный крик чуть не разорвал ей барабанные перепонки. Наложница, которую она считала мертвой, резко села, и её нос с силой ударил Сяо Лань по лицу. Обе вскрикнули от боли, хватаясь за ушибленные места.

Фан Цинцин наконец открыла глаза и увидела этот мир. Боже, она чуть не задохнулась! Она и представить не могла, что смерть от падения с лестницы окажется такой — будто легкие забиты кровью! Она судорожно ловила ртом воздух, пытаясь надышаться, и от этого быстрого дыхания у неё закружилась голова.

— Госпожа! — вбежала в комнату матушка Сюй с одеждой в руках. Увидев, что обе женщины сидят, держась за лица, она бросила вещи и поспешила на помощь Сяо Лань.

Сяо Лань села, растирая ушибленное лицо, и пыталась понять: неужели наложница только что выругалась? Она с сомнением посмотрела на женщину, которая терла свой нос. Лицо наложницы казалось до боли знакомым, но из-за болезненной худобы и изможденного вида узнать её было трудно. Сяо Лань отбросила сомнения — она ведь виделась с ней раньше, ничего странного в этом нет.

— Наложница Фан очнулась? Хорошо, что очнулась... — Матушка Сюй протянула одежду. Фан Цинцин показалось, что эта сцена ей знакома, и она поспешно начала одеваться.

Вскоре подросли и служанки, которых позвала матушка Сюй. Хотя Сяо Лань в поместье не распоряжалась, но как законная супруга имела вес. Служанки, хоть и нехотя, выполнили приказ: сменили постельное белье и пошли греть воду, чтобы искупать воскресшую наложницу.

В это же время пришел лекарь. Осмотрев больную, он лишь констатировал крайнее истощение, прописал кучу лекарств и удалился.

Фан Цинцин наконец смогла оглядеться. Воспоминания постепенно выстраивались в ряд, и она поняла, что переселилась в тело несчастной женщины. В мутном от времени зеркале она увидела свое отражение — не просто несчастная, а настоящий призрак. Лицо выглядело даже хуже, чем у неё самой, когда она ночами писала дипломную работу.

Она тяжело вздохнула и залпом выпила чай, принесенный служанкой. Внимательно посмотрев на хозяйку дома, она поняла: если бы не эта женщина, никто бы не позвал лекаря, пусть даже было уже поздно.

— Благодарю вас, госпожа. — Она не стала кланяться — не хотела, да и сил не было, поэтому ограничилась лишь словами.

— Главное, что ты жива, — ответила Сяо Лань. Поведение женщины не казалось ей безумным, хотя она знала, что та действительно была не в себе.

Матушка Сюй тоже заметила, что наложница стала другой — в глазах прояснилось, ушел тот пустой, блуждающий взгляд, с которым она смотрела в одну точку.

Матушка Сюй торопилась по делам, поэтому не удержалась и напомнила:

— Госпожа, старая госпожа ждет вас.

Сяо Лань посмотрела на небо — времени прошло немало. То, что наложница Фан выжила, было добрым знаком, и на душе стало легче.

— Хорошо, пойдемте.

Увидев суетящихся служанок, Сяо Лань наставительно добавила:

— Вечером приготовьте для наложницы Фан еду получше. Чего не хватает — просите у управляющего, если не даст — приходите ко мне. Но если узнаю, что вы отнеслись к делу спустя рукава, пеняйте на себя. Вы двое отныне будете прислуживать наложнице Фан, тяжелую работу оставьте другим.

Служанки переглянулись, как когда-то Хайтан и Моли, и промолчали. Сяо Лань знала — снова её слова не восприняли всерьез. Матушка Сюй тихо прошептала:

— Об этом нужно сказать управляющему Ван, иначе слуг не переставить.

Сяо Лань кивнула.

— Ладно, работайте пока как обычно, идите!

Она направилась к покоям старой госпожи в сопровождении матушки Сюй. Сяо Цин и Сяо Бай переглянулись и пожали плечами.

— Ну что, какая разница, где горбатиться? Главное, не на тяжелых работах, это ведь почти повышение, да?

— Посмотрим. Еще неизвестно, стоят ли слова госпожи хоть чего-то.

Сяо Лань уже ушла и не слышала их разговора, но Фан Цинцин всё слышала. Память наложницы Фан была отрывочной из-за её душевной болезни, поэтому четкого образа хозяйки дома у неё не было. Она помнила лишь, как у неё отобрали ребенка, как её заперли, а дальше всё было как в тумане.

Сейчас эта женщина не казалась ей злой. Фан Цинцин невольно вспомнила ту женщину в отеле — она была очень похожа на эту госпожу, но всё же отличалась. Эта женщина казалась... слишком хрупкой.

Фан Цинцин не могла смириться со своей нелепой гибелью, а уж тем более — с переселением в тело этой несчастной! Другие попадают в знатных красавиц, в коварных злодеек, в кого угодно! А она? Ни то ни сё, ни живая, ни мертвая — сплошное мучение! Она в ярости ударила ладонью по столу, ушиблась и разозлилась еще сильнее. Она ведь даже видео не успела выложить!

<http://bllate.org/book/21470/2196830>